

МИНИСТЕРСТВО ЮСТИЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ФЕДЕРАЛЬНОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ

РОССИЙСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ЦЕНТР СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

ИМЕНИ ПРОФЕССОРА А.Р. ШЛЯХОВА

ПРИ МИНИСТЕРСТВЕ ЮСТИЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

**«О недопустимости отождествления экспертных выводов об отсутствии
у несовершеннолетнего потерпевшего повышенной склонности
к фантазированию и повышенной внушаемости
с достоверностью его показаний»**

Информационное письмо

Утверждено

Научно-методическим советом

ФБУ РФЦСЭ имени профессора

А.Р. Шляхова при Минюсте России

(Протокол № 5 от «09» сентября 2026 года)

Москва, 2026 г.

Письмо подготовлено под руководством заместителя директора ФБУ РФЦСЭ имени профессора А.Р. Шляхова при Минюсте России доктора юридических наук, профессора, заслуженного юриста Российской Федерации А.И. Усова доктором психологических наук, доцентом Е.В. Васько, доктором медицинских наук Д.В. Бердниковым, доктором психологических наук, профессором Ф.С. Сафуановым, доктором юридических наук, доцентом Т.Н. Секераж.

Настоящее письмо подготовлено в связи с практикой необоснованного придания психологическим понятиям «повышенная склонность к фантазированию» и «повышенная внушаемость» уголовно-релевантного значения при оценке достоверности показаний несовершеннолетнего потерпевшего, что не только категорически неверно, но и чрезвычайно опасно для принятия следствием процессуально верного, юридически грамотного, нередко, судьбоносного решения.

Для судей, следователей, адвокатов, руководителей и экспертов судебно-экспертных учреждений России, юридических и клинических (медицинских) психологов, экспертов-психологов.

При расследовании преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы несовершеннолетних особую сложность для следователя представляет процесс получения у потерпевшего показаний и их оценка в условиях, когда прямые доказательства отсутствуют и «слово потерпевшего» стоит против «слова обвиняемого/подозреваемого». В таких случаях для формирования внутреннего убеждения по событию преступления, сообщение несовершеннолетнего о преступлении и его показания служат отправной точкой для следователя, который в соответствии со ст. 88 УПК РФ должен дать оценку доказательствам – их относимости, допустимости, достоверности и достаточности для разрешения дела.

В поисках опоры для обоснования доказательственного значения показаний несовершеннолетних потерпевших нередко используются различные сомнительные средства оптимизации процесса расследования. Так, для установления достоверности показаний (подразумевая их «правдивость» и соответствие действительности), следователи нередко делегируют своё исключительное право некоему носителю профессиональных (неправовых) знаний – психологу (консультанту, специалисту, участнику следственных действий, эксперту). Всецело полагаясь на мнение такого психолога, процессуальное лицо делает выводы о достоверности («правдивости», «искренности», «надёжности» и т.п.) сведений, сообщаемых несовершеннолетним, и о наличии самого криминального события (его «реальности»), на основании чего принимается решение о возбуждении уголовного дела или об отказе в его возбуждении.

Спросу на такие «услуги» способствует неверное представление о возможностях психологической науки и психологов как носителей специальных знаний. Обращаясь к психологу с вопросом о «правдивости» сообщений/показаний несовершеннолетнего, следователь убеждён в том, что в арсенале психолога имеются «особые психологические методы и приёмы диагностики правды», «новая психологическая методика диагностики лжи», «психологические методы изобличения во лжи по невербальным признакам

при беседе», «метод диагностики лжи при допросе»¹ и др. Укреплению данного мифа способствует готовность некоторых психологов взять на себя функцию «расследователя» и активность в её реализации, в связи с чем подавляющее большинство следователей с разным опытом работы стремятся избежать вступления первыми в контакт с ребёнком или подростком, полагая, что психолог (педагог-психолог) сделает это эффективнее.

В результате первоначальные сведения от несовершеннолетнего получает не следователь, а лицо, не имеющее на это процессуального права (в УПК РФ отсутствует статья, которая бы регламентировала права и обязанности психолога, не выступающего в роли эксперта или специалиста). Следователь оказывается в роли получателя вторичных сведений, а психолог в роли их ретранслятора от ребёнка. Причём нередко информация передаётся следователю психологом, исходя из его субъективных представлений, установок и жизненных ценностей. Следователь же воспринимает данную информацию как объективную.

Как показали проведённые исследования, стремление избыточно и неоправданно полагаться на мнение психолога проявили 94% следователей со стажем работы менее пяти лет и 58% – со стажем более пяти лет, которые на вопросы о функциях психолога как участника допроса несовершеннолетнего потерпевшего в соответствии со ст. 191 УПК РФ утверждали, что именно психолог должен определить, есть ли у потерпевшего склонность к фантазированию и, «соответственно, правду или неправду он говорит»; сказать, «было или нет событие преступления, исходя из знаний детской психологии»; «фактически вести допрос, поскольку знает детскую психологию» и «владеет особыми методами работы с детьми».

Нередки ситуации, когда следователь не оценивает критически показания малолетних потерпевших, в то время как те моделируют ситуацию

¹ Здесь и далее в качестве цитат приведены ответы следователей, полученные при применении диалоговых методов исследования, проведённого авторами в 2023-2026 гг. в рамках учебно-методических мероприятий в различных регионах страны.

деликта в соответствии со своим детским разумением, включая «правдоподобный» вымысел, неосознанно «расцветчивая» реальные события либо умышленно придавая им яркость для привлечения внимания к себе. В настоящее время весьма распространена тактика проведения опроса или допроса несовершеннолетних потерпевших психологом, когда наводящая информация умышленно или невольно внедряется в сознание допрашиваемого различными способами. С каждым новым допросом под влиянием суггестивной (внушающей) стратегии либо неграмотной работы психолога ребёнок даёт всё новые сведения, которые следователь ошибочно принимает за результат продуктивных детских воспоминаний². Затем, стремясь установить ту самую мнимую достоверность показаний и «закрепить» полученные от несовершеннолетнего показания, следствие задействует возможности назначения судебной экспертизы с постановкой вопросов о склонности к фантазированию и повышенной внушаемости потерпевшего, неверно трактуя вывод об отсутствии указанных особенностей как свидетельство правдивости³.

При назначении судебной экспертизы – судебно-психологической (СПЭ), психолого-психиатрической (КСПЭ) и др. – при её поручении лицам, не являющимся государственными судебными экспертами⁴), для

² В наше время дети и подростки имеют большую информированность в вопросах половых отношений, чем еще несколько лет назад, которая повышается, вследствие доступности сексуального контента в социальных сетях и на различных интернет-сервисах; возраст «оговаривающих» несовершеннолетних, мнимых потерпевших существенно снизился, варьируется от 5 до 12 лет (возраст «беспомощности»), а механизмы порождения ложных доносов различны. Всё чаще встречается оговор группой, что существенно осложняет критическое восприятие следователем и иными взрослыми (родителями, психологами, социальными работниками) информации: см. подробнее: Васькэ Е.В. Механизмы формирования мотивации оговора у несовершеннолетних потерпевших по уголовным делам о половых преступлениях. КриминалистЪ.2024. № 3 (48). С. 3-10.

³ Особенности расследования преступлений с участием несовершеннолетних: допрос несовершеннолетнего, назначение судебно-психологической экспертизы: практическое пособие // Е.В. Васькэ, Е.Е. Леоненко, Е.В. Минаева, А.А. Плахина, Т.Н. Секераж. СПб: Санкт-Петербургская академия Следственного комитета. 2023. 132 с.

⁴ «Перечень видов судебных экспертиз, проводимых исключительно государственными судебно-экспертными организациями», утверждён распоряжением

выяснения ключевого факта «врёт / не врёт, было /не было» в некоторых регионах России продолжают ставиться вопросы, выходящие за пределы специальных знаний экспертов⁵. Ничем иным как созданием искусственных доказательств данную порочную практику назвать нельзя.

Ранее уже предпринимались попытки завуалировать или размыть пределы профессиональной компетенции эксперта-психолога подменой неэкспертных категорий («недостоверные показания», «неправдивые показания», «неискренние показания», «ложь», «неправда») псевдоэкспертными – «психологические признаки достоверности», «признаки конструирования ложных сообщений», «психологические признаки скрываемых обстоятельств» и др. Однако, какие бы синонимы не использовались, установление достоверности сообщаемых сведений (их соответствия действительности, реальности, искажения, скрываемых обстоятельств и др.) при производстве судебной экспертизы на современном этапе развития науки и техники невозможно, какой-либо надёжной, верифицированной научно обоснованной методики решения таких задач не существует.

Пленум Верховного Суда Российской Федерации однозначно указал на правовую природу достоверности доказательств: «Полученное в суде, а также в ходе досудебного производства по уголовному делу заключение эксперта, содержащее выводы о юридической оценке деяния или о

Правительства Российской Федерации от 16 ноября 2021 г. № 3214-р, с изменениями, внесёнными распоряжением Правительства Российской Федерации от 22.03.2023 № 672-р.

⁵ Например, некорректные вопросы, некогда растиражированные частнопрактикующими экспертами: «Если в процессе совершения с потерпевшей насильственных действий сексуального характера воля потерпевшей, ее способность к сопротивлению были подавлены, в какое время это произошло, какие лица из числа причастных к происшедшему играли наибольшую роль в этом?», «Каким психологическим фактором могут объясняться различия в показаниях потерпевшей N. на различных этапах следствия», «Соответствуют ли показания потерпевшей N. о ее собственном поведении в ситуации, исследуемой в настоящем деле, выявленным у нее психологическим особенностям?», «Имеются ли у потерпевшей N. индивидуально-психологические особенности, способствующие эротическим, сексуальным фантазиям?», «Имеются ли в показаниях N. признаки психологической достоверности?», «Имеются ли в показаниях N. какие-либо признаки искажения истинной информации и признаки скрываемых обстоятельств?» и др.

достоверности показаний допрошенных лиц, не может быть в этой части признано допустимым доказательством и положено в основу судебного решения по делу»⁶.

В настоящее время наблюдается снижение числа экспертиз с постановкой указанных неэкспертных задач, что обусловлено сокращением практики поручения производства судебных экспертиз негосударственным экспертам, в том числе вследствие распоряжения Правительства Российской Федерации от 16.11.2021 № 3214-р «О перечне видов судебных экспертиз, проводимых исключительно государственными судебно-экспертными организациями», в котором чётко указано, что судебно-психологические и судебно-психиатрические экспертизы по уголовным делам и при проверке сообщений о преступлениях проводятся исключительно в государственных судебно-экспертных учреждениях⁷.

Однако поиски коррелятов достоверности показаний не прекращаются. В результате при назначении СПЭ и КСПЭ в отношении несовершеннолетних потерпевших практически повсеместно следствием ставятся вопросы к экспертам о повышенной внушаемости и повышенной склонности к фантазированию, которые не имеют никакого самостоятельно юридического значения и их постановка не является случайной. Так, большинство (94 %) из 800 принявших участие в опросе следователей отметили, что они готовы ставить такие вопросы с целью «делегировать оценку достоверности показаний эксперту-психологу». Такая трактовка следователями выводов эксперта идёт вразрез не только с экспертным пониманием, но и со здравым смыслом, объективной реальностью и психологическими закономерностями формирования показаний.

⁶ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29.06.2021 № 22 «О внесении изменений в отдельные постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам».

⁷ «Перечень видов судебных экспертиз, проводимых исключительно государственными судебно-экспертными организациями», утверждён распоряжением Правительства Российской Федерации от 16 ноября 2021 г. № 3214-р, с изменениями, внесёнными распоряжением Правительства Российской Федерации от 22.03.2023 № 672-р.

Предметом назначаемых в отношении несовершеннолетних потерпевших по делам о половых преступлениях КСППЭ и СПЭ являются юридически значимые способности подэкспертного 1) правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для дела, и давать о них показания; 2) понимать характер и значение совершаемого противоправного деяния и оказывать ему сопротивление⁸.

Помимо вопросов о наличии психического расстройства и его влиянии на указанные юридически значимые способности потерпевшего, перед экспертами рекомендована⁹ постановка только двух вопросов:

Способен ли потерпевший с учётом уровня психического развития, индивидуально-психологических особенностей и психического состояния, понимать характер и значение, совершаемых в отношении него действий или оказывать сопротивление?

Способен ли потерпевший с учётом уровня психического развития, индивидуально-психологических особенностей и психического состояния,

⁸ Ткаченко А.А., Морозова М.В., Савина О.Ф. Об уточнении экспертных категорий и критериев оценки юридически релевантных феноменов психической деятельности малолетних и несовершеннолетних потерпевших по правонарушениям сексуального характера. Информационное письмо. М.: ФГБУ «Государственный научный центр социальной и судебной психиатрии им. В.П. Сербского», 2012;

Сафуанов Ф.С. Судебно-психологическая экспертиза: учебник для вузов. М.: Издательство Юрайт, 2014;

Васкэ Е.В. Проблемные вопросы судебно-психологической экспертизы потерпевшей при расследовании преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы несовершеннолетних // КриминалистЪ. 2025. №3. С. 19-27;

Особенности расследования преступлений с участием несовершеннолетних: допрос несовершеннолетнего, назначение судебно-психологической экспертизы: практическое пособие, 2023;

Курс лекций по программе дополнительной профессиональной переподготовки по экспертной специальности 20.1 «Исследование психологии человека»: учебное пособие // Е.В. Васкэ, О.В. Гагина, Е.В. Полкунова [и др.]. М.: ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2023;

Васкэ Е.В., Секераж Т.Н. Категории «повышенная склонность к фантазированию» и «повышенная внушаемость» в контексте правовой оценки показаний несовершеннолетних потерпевших по делам о сексуальном насилии // Психология и право. 2025. № 15 (2). С. 76-89.

⁹ Сафуанов Ф.С. Судебно-психологическая экспертиза: учебник для вузов. М.: Издательство Юрайт, 2014. С. 259, 270.

правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для дела, и давать о них показания?

При отсутствии у несовершеннолетнего потерпевшего психического расстройства разрешение указанных вопросов относится к компетенции эксперта-психолога, которых в ходе исследования в том числе устанавливает данные о личности (индивидуально-психологических особенностях) потерпевшего и детерминантах его виктимного поведения. Эксперт-психолог, основываясь на анализе связей и отношений внутри системы «жертва–преступник–криминальная ситуация», устанавливает психологический механизм нарушения способности потерпевшего понимать характер и значение действий обвиняемого и оказывать сопротивление. Данный факт является основанием для установления правоприменителем беспомощного состояния потерпевшего, достигшего 12-летнего возраста, как альтернативно-конструктивного признака состава преступления, предусмотренного статьями 131 и 132 УК РФ.

Указанные задачи необходимы и достаточны, их решение имеет доказательственное значение, а постановка дополнительных вопросов, касающихся отдельных черт личности потерпевшего, ошибочна. Вместе с тем на разрешение экспертов выносятся вопросы о наличии у потерпевшего повышенной внушаемости и повышенной склонности к фантазированию, причём без упоминания о возможной болезненной природе таких особенностей (патологического фантазирования и патологической внушаемости). Поскольку следствие заинтересовано в признании показаний потерпевшего доказательством по делу, внимание придаётся констатации именно отсутствия искомых особенностей. Так, опрос следователей показал, что вывод эксперта об отсутствии у потерпевшего повышенной склонности к фантазированию большинство трактует как «правдивость», «истинность» показаний: из 800 опрошенных следователей (64% со стажем работы более 5 лет, 36% – менее 5 лет) 95% следователей первой группы («опытных») и 99% второй группы («молодых») сочли вывод эксперта-психолога об отсутствии у

потерпевшего «повышенной склонности к фантазированию» и «повышенной внушаемости» свидетельством правдивости показаний, а наличие «повышенной внушаемости» – дачи показаний под влиянием взрослых. На вопрос о целесообразности допроса эксперта-психолога о правдивости показаний несовершеннолетнего при наличии/отсутствии у него склонности к фантазированию утвердительно ответили 81% «опытных» и 97% «молодых» следователей. Более того, 77% «опытных» и 94% «молодых» следователей сочли необходимым задать эксперту вопрос о наличии самого факта криминального события в данном контексте. Таким образом, налицо опасная тенденция – трактовка вывода эксперта об отсутствии у несовершеннолетнего «повышенной склонности к фантазированию» и «повышенной внушаемости» как достоверности показаний и отсутствия какого-либо влияния со стороны иных лиц. Подобные умозаключения безосновательны, категорически неверны, могут привести и приводят к следственным и судебным ошибкам. Анализ 48 приговоров, вынесенных судами общей юрисдикции субъектов Российской Федерации в 2021-2024 годах, показал, что в 13-ти из них вывод экспертов об отсутствии у несовершеннолетнего потерпевшего «повышенной склонности к фантазированию» был воспринят судом как достоверность показаний¹⁰.

«Повышенная склонность к фантазированию» и «повышенная внушаемость» не являются экспертными понятиями, а представляют используемые экспертом категории, имеющие не какое-то специфическое, общепсихологическое содержание. В национальном стандарте¹¹ повышенная склонность к фантазированию характеризуется как «превышающее возрастную норму продуцирование субъектом фантазий с недостаточно

¹⁰ Васькэ Е.В., Секераж Т.Н. Категории «повышенная склонность к фантазированию» и «повышенная внушаемость» в контексте правовой оценки показаний несовершеннолетних потерпевших по делам о сексуальном насилии // Психология и право. 2025. № 15 (2). С. 76-89.

¹¹ ГОСТ Р 57344-2016. Национальный стандарт Российской Федерации. Судебно-психологическая экспертиза. Термины и определения. Издание официальное: Федеральное агентство по техническому регулированию и метрологии.

критичным к ним отношением (следует отличать от склонности к вымыслам с конкретной мотивацией)».

Сущность фантазирования (воображения) состоит в преобразовании представлений памяти, в создании новых образов на основе имеющихся, в отражении реальной действительности в новых сочетаниях и связях (в том числе с перестановкой элементов реальности). Фантазирование – это познавательный процесс, необходимый для гармоничного развития взрослеющей личности, чему посвящено множество научных, научно-практических и практических пособий по возрастной и педагогической психологии, тренингов, обучающих семинаров для детей и их родителей по развитию творческого воображения.

Для того, чтобы современный ребёнок был способен рассказать (сообщить) о сексуальных действиях, ему не нужно обладать повышенным фантазированием, поскольку информированность детей в данной области повышается день ото дня в связи с доступностью социальных сетей и различных интернет-сервисов, переполненных сексуальным контентом.

Таким образом, имеет место абсолютное несоответствие между констатацией экспертами отсутствия у несовершеннолетнего потерпевшего повышенной склонности к фантазированию и пониманием данного экспертного вывода правоприменителем – его неверной трактовкой в аспекте достоверности показаний.

Установление повышенной склонности к фантазированию (равно как и повышенной внушаемости) как индивидуального свойства человека не является конечной экспертной задачей, имеет промежуточный характер, равно как и диагностика других индивидуальных особенностей потерпевшего. Важно установление патологического либо непатологического характера внушаемости и склонности к фантазированию. Естественная возрастная внушаемость ребёнка или повышенная внушаемость как «превышающая возрастную норму подверженность субъекта влиянию других людей, сочетающаяся с пониженной критичностью к их и своим

собственным суждениям и действиям» (ГОСТ Р 57344-2016) может не оказать влияния на способность давать показания. Потерпевший может не поддаться внушающему воздействию либо само воздействие может отсутствовать. Экспертная диагностика не завершается при констатации какого-либо личностного свойства, а осуществляется во взаимосвязи всех факторов системы «криминальная ситуация – потерпевший – ситуация дачи показаний – показания». Поэтому «повышенная склонность к фантазированию» и «повышенная внушаемость», являясь психологическими понятиями, не являются экспертными¹².

Таким образом, обнаруживается принципиальное расхождение между констатацией экспертами отсутствия у несовершеннолетнего потерпевшего повышенной склонности к фантазированию, пониманием данного экспертного вывода следствием и его ошибочной трактовкой в качестве подтверждения достоверности показаний. При этом следователь ошибочно наделяет данный вывод неоправданно высокой значимостью (сверхзначимостью), которой тот объективно не обладает. Для эксперта-психолога же этот вопрос является избыточным, поскольку фантазирование и внушаемость как особенности личности несовершеннолетнего в любом случае подлежат установлению в ходе экспериментально-психологического обследования подэкспертного.

Учитывая распространённость (и тенденцию к стремительному разрастанию) указанной порочной практики, при которой следствие неверно трактует экспертные выводы и включает их в алгоритм своих процессуальных действий, целесообразно исключить постановку вопросов о «повышенной склонности к фантазированию» и «повышенной внушаемости» при назначении судебно-психологической и комплексной психолого-психиатрической экспертизы.

¹² Васькэ Е.В., Секераж Т.Н. Категории «повышенная склонность к фантазированию» и «повышенная внушаемость» в контексте правовой оценки показаний несовершеннолетних потерпевших по делам о сексуальном насилии // Психология и право. 2025. № 15 (2). С. 76-89.

В случае постановки таких вопросов экспертам не следует отвечать на них прямо, поскольку указанные в вопросах категории не являются экспертными и не имеют самостоятельного доказательственного значения. Утверждения в заключении эксперта об отсутствии у несовершеннолетнего потерпевшего повышенной склонности к фантазированию необходимо дополнять следующим образом: «Повышенную склонность к фантазированию и повышенную внушаемость несовершеннолетний потерпевший не обнаруживает, что не имеет логической взаимосвязи с достоверностью либо недостоверностью сообщаемых им сведений (показаний), а также не имеет связи с возможностью дачи показаний под чьим-либо влиянием».

Таким образом, при расследовании преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы несовершеннолетних **недопустимы:**

- постановка вопросов перед экспертом-психологом о наличии у несовершеннолетнего потерпевшего «повышенной склонности к фантазированию» и «повышенной внушаемости» при назначении судебно-психологической и комплексной психолого-психиатрической либо психолого-сексолого-психиатрической экспертизы;

- трактовка факта отсутствия у потерпевшего повышенной склонности к фантазированию как достоверность (правдивость, надёжность, реальность и др.) его показаний;

- трактовка факта отсутствия повышенной внушаемости у потерпевшего как доказательство самостоятельности показаний, их формирования без какого-либо внешнего влияния (внушающего и прочего воздействия со стороны окружающих).

Приведённые положения рекомендуются для распространения на местах среди работников следственных органов, прокуратуры, судей, экспертов (психологов, психиатров, сексологов), адвокатов.